

Предисловие Пламкетта, друга Пьера Лоти

Всякий порядочный роман начинается описанием внешности героя. Но эта книга не роман или если и роман, то не более упорядоченный, чем жизнь того, кому он посвящен. Кроме того, описать на потребу равнодушной публике нашего Лоти, которого мы так любили, — дело нелегкое, и с ним вряд ли справились бы даже самое искусное перо.

Впрочем, представление о его внешнем облике читатель может получить, открыв «Намуну, восточную сказку» Мюссе:

И поступь горделива, и осанка,
Как у патриция, тонка, тверда рука,
Но главное — глаза. В них светится душа.

Как и Хасан, он бывал очень весел, но бывал и угрюм; порой непростительно наивен и в то же время пресыщен. Добрые ли поступки он совершал или дурные, он ни в чем не знал удержу, однако же мы любили его больше, чем этого эгоиста Хасана, и если сравнивать его с кем-либо, то скорей он был похож на Ролла...

Сколь много душ покажут тебе разом
И небо, что недвижность вод лазурью осеняет,
И — дно, где мутный ил скрывает ложь и злобу...¹

Пламкетт

¹ Виктор Гюго «Русалки». (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)

1. САЛОНИКИ. ДНЕВНИК ЛОТИ

I

16 мая 1876-го

...Прелестное майское утро, яркое солнце, чистое небо... Когда шлюпки с иностранных кораблей приблизились к берегу, палачи на набережной уже заканчивали свою работу: тела шести человек, повешенных на глазах у толпы, дергались в последних конвульсиях... Окна и крыши домов были облеплены зрителями. С ближнего балкона с улыбкой наблюдали за привычным зрелищем господина из турецкой городской управы.

Султанские правители поскупились на расходы: виселицы были такие низкие, что босые ноги повешенных касались земли. Ногти их судорожно царапали песок.

II

Когда церемония казни окончилась, солдаты ушли, а трупы остались висеть до конца дня в назидание народу. Шесть трупов, словно бы стоящих на земле, являли собой отвратительную гримасу смерти, освещенную ласковым турецким солнцем, среди равнодушных прохожих и безмолвных стаяк молоденьких турчанок.

III

Групповое повешение было произведено по требованию правительств Франции и Германии как возмездие за убийство консулов, наделавшее шуму в Европе в начале Восточного кризиса¹.

¹ Восточный кризис — так называются события на Балканах в 1875—1878 гг., вызванные борьбой славянских народов за освобождение от турецкого угнетения.

Все европейские нации направили в Салоники внушительные броненосцы: Англия — одна из первых. Так на борту одного из корветов¹ ее величества я и оказался в Турции.

IV

В чудесный весенний день, вскоре после знаменитой резни и через три дня после публичной казни, когда нам разрешено было выходить в город, около четырех часов пополудни я остановился у закрытых дверей древней мечети, наблюдая за дракой двух аистов.

Представление разыгрывалось на улочке старого мусульманского квартала. Вдоль ветхих домов извивались тропинки, над ними нависали забранные решетками длинные балконы — своего рода наблюдательные пункты, откуда сквозь невидимые снаружи отверстия можно было следить за прохожими. Ростки овса пробивались сквозь темную гальку, ярко-зеленые ветки карабкались на крыши; в просветах листвы сияло чистое голубое небо; в ласковом воздухе разливалось благоухание мая.

Население Салоник еще относилось к нам настороженно, даже враждебно, да и начальство обязывало нас повсюду таскать с собой саблю и прочие военные причиндалы. Изредка проходили, держась поближе к стенам, мужчины в тюрбанах; из-за решеток гаремов² не показывалась ни одна женская головка; можно было подумать, что город вымер.

Я был совершенно уверен, что рядом никого нет, а потому, заметив за толстыми железными прутьями чьи-то большие зеленые глаза, устремленные на меня, испытал очень странное чувство.

¹ Корвет — трехмачтовый парусный военный корабль, вооруженный 20–30 пушками.

² Гарем — женская половина дома.

Темные, слегка нахмуренные брови почти смыкались па переносице; смесь энергии и наивности читалась во взгляде, который можно было принять за взгляд ребенка, столько юности и чистоты он излучал.

Молодая женщина, обладательница зеленых глаз, выпрямилась, и я увидел по пояс ее стан, окутанный накидкой, спадающей негнушними складками. Зеленый шелк одеяния был расшит серебром. Белая вуаль окутывала ее голову, оставляя свободными лишь лоб и большие глаза. Зеленый их цвет напоминал цвет моря, воспетого поэтами Востока.

Так я впервые увидел Азиаде.

V

Азиаде пристально смотрела на меня. Будь на моем месте турок, она тотчас скрылась бы, но гяур¹ — не человек; гяур — не больше чем объект наблюдения, в лучшем случае — существо, вызывающее любопытство и желание забавы ради на него поглазеть. Казалось, она была удивлена тем, что один из чужеземцев, вторгшихся в ее страну на страшных железных кораблях, — совсем молодой человек, вид которого не внушает ни отвращения, ни страха.

VI

Когда я вернулся на набережную, шлюпки союзной эскадры уже ушли. Зеленые глаза слегка вскружили мне голову, хотя разглядеть скрытое белой вуалью личико я так и не сумел. Я прошелся три раза мимо мечети с аистами, и время пролетело незаметно.

¹ Гяур (от араб. «кяфир») — «неверный»; так мусульмане называли всех иноверцев вообще, но чаще всего европейцев.

От молодой женщины меня отделяло множество преград. Я не мог обменяться с ней ни словом, ни запиской; покидать борт корабля после шести часов вечера было запрещено, сходить на берег разрешалось лишь при оружии; через неделю эскадра могла сняться с якоря, чтобы никогда больше не вернуться в этот порт, и, наконец, гаремы строго охранялись.

Я смотрел, как удаляются последние английские шлюпки. Солнце вот-вот должно было закатиться. В нерешительности я присел под навесом турецкой кофейни.

VII

Меня тотчас окружили люди — из тех, что живут под открытым небом на причалах Салоник, — лодочники и грузчики, жаждущие разузнать, почему я остался на берегу, и готовые ждать сколько угодно, чтобы предложить мне свои услуги.

Из этой группы македонцев я выделил одного. У него была забавная борода, вся в завитках, как у античных статуй. Он уселся передо мной прямо на землю и с любопытством меня рассматривал. Мой костюм, особенно ботинки, видимо, живо его заинтересовали. Он потягивался, точно ангорский кот, и позевывал, демонстрируя при этом два ряда мелких, сверкающих словно жемчуг зубов.

Словом, он был хорош собой; в его ласковом взгляде светились благородство и ум. В штанах до колен, оборванный, босой, он, однако же, казался опрятным, точно кошка.

Македонца звали Самуил.

VIII

Двум этим людям, которых я встретил в один и тот же день, суждено было сыграть в моей судьбе немаловажную роль и в течение трех месяцев рисковать ради меня своей жизнью.